

Научная статья

УДК 101.1:316

ББК 60.032.33

doi: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-38-47

КОНЦЕПЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗ ОЦЕНКИ В СВЕТЕ ПАРАДИГМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Александр Юрьевич Внутских¹, Сергей Александрович Денискин²

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, avnut@inbox.ru, 0000-0003-4162-1033

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, amd-55@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению связи концепции экзистенциальных рисков с основными парадигмами социальной философии — цивилизационной и формационной. Исследуются предпосылки и элементы этой концепции в свете представлений об общественном развитии в работах И. Канта, К. Маркса, В. Вернадского, Р. Генона, Н. Бострома и других учёных. Показано, что в формационной парадигме для концепции экзистенциальных рисков особенно важна идея единого, прогрессивно направленного развития общества, а в цивилизационной парадигме — идея множества цивилизаций, каждая из которых сталкивается с уникальным комплексом факторов и рисков. Для адекватного понимания экзистенциальных рисков необходим синтез идей двух парадигм с учётом аргумента Вернадского и представлений об «отборе цивилизаций». Констатируется необходимость объективной интегративной оценки экзистенциальных рисков, связанных как с природными факторами, так и с возникающими технологиями; по мнению авторов, известный проект «Часы Судного Дня» в настоящее время нельзя считать адекватным способом оценки этих рисков.

Ключевые слова: цивилизационная парадигма, формационная парадигма, экзистенциальные риски, «Часы Судного Дня», «отбор цивилизаций»

Для цитирования: Внутских А. Ю., Денискин С. А. Концепция экзистенциальных рисков и возможности из оценки в свете парадигм общественного развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7 (489). С. 38–47. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-38-47.

Original article

THE CONCEPT OF EXISTENTIAL RISKS AND THE POSSIBILITIES OF THEIR ASSESSMENT IN THE LIGHT OF SOCIAL DEVELOPMENT PARADIGMS

Alexander Yu. Vnutskikh¹, Sergey A. Deniskin²

¹Perm National Polytechnic University, Perm State University, Perm, Russia, avnut@inbox.ru, 0000-0003-4162-1033

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, amd-55@mail.ru

Abstract. The article deals with link of existential risks conception with civilization and formation conceptions of social philosophy. The authors research prerequisites and elements of the conception of existential risks in the light of ideas about social development in the works of I. Kant, K. Marx, V. Vernadsky, R. Guénon, N. Bostrom and other scientists and philosophers. On the one hand, the formation paradigm's idea of a unified and progressive development of society is especially important for the concept of existential risks. On the other hand, the civilization paradigm's idea of multiple civilizations, each of which faces a unique set of factors and risks is important for the concept of existential risks too. A scientific understanding of existential risks requires a synthesis of the ideas of these two paradigms, taking into account Vernadsky's argument and idea of "selection of civilizations". The authors suggest that we need an objective integrative assessment of existential risks associated with natural factors and emerging technologies. However, well-known project "Doomsday Clock" can't be considered an adequate way of this assessment.

Keywords: civilization paradigm, formation paradigm, existential risks, "Doomsday Clock", "selection of civilizations"

For citation: Vnitskikh AY, Deniskin SA. The concept of existential risks and the possibilities of their assessment in the light of social development paradigms // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024. (7(489):38-47. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-38-47.

Введение

В 1947 г. одним из проектов журнала «Бюллетень учёных-атомщиков» (*Bulletin of the Atomic Scientists*) стал проект «Часы Судного Дня» (*Doomsday Clock*), в котором на основании оценок экспертного сообщества отмечается условное время, оставшееся до ядерной катастрофы, которая либо уничтожит человечество, либо приведет к его глубокой деградации. За без малого 80 лет, прошедших с начала этого проекта, многое изменилось: менялся состав экспертов проекта; в зависимости от геополитической ситуации и интенсивности военных приготовлений «часы» переводились двадцать шесть раз; в последние годы помимо ядерной угрозы экспертами Бюллетеня начали учитываться и другие экзистенциальные риски, например, глобальное потепление и развитие искусственного интеллекта, что позволяет интерпретировать данный проект теперь уже как попытку интегральной оценки экзистенциальных рисков (ЭР).

Общая тенденция, фиксируемая этим интегральным показателем, выглядит неутешительно: начав свой отсчет с 7 минут в 1947 г. и, за исключением кратких периодов стабилизации в 1960–1963, 1969–1972, 1988–1991 гг., «часы» в целом демонстрируют неуклонный рост вероятности глобальной катастрофы, вызванной развитием технологий. В январе 2023 г. «часы» установили «антирекорд», показав 90 секунд до Судного Дня. В 2024 г. оценка экспертов осталась прежней [1]. Многочисленные публикации в СМИ, посвященные этому проекту, а также множество научных публикаций (поисковая система Google Scholar фиксирует около 5100 научных публикаций на английском и русском языках со словосочетаниями «часы судного дня» и «doomsday clock») свидетельствуют о важности и высоком уровне актуальности изучения экзистенциальных рисков для исследователей, в первую очередь, специалистов в области социальных и гуманитарных наук.

Отметим, что представления о катастрофических событиях, наступление которых можно интерпретировать как экзистенциальную катастрофу, появились очень давно. Помимо эсхатологических представлений в мифах и авраамических религиях, можно вспомнить о концепции экипрозиса у Гераклита и о разрушении миров в учениях атомистов; представления И. Канта о возмож-

ности завершения истории человечества на «вечном кладбище»; идеи Г. Уэллса, полагавшего, что строго доказать невозможность роковой для человечества глобальной катастрофы невозможно; классификацию катастроф у А. Азимова; работы американских и советских ученых, исследовавших климатические последствия ядерной войны.

Однако, насколько нам известно, интегральные способы оценки ЭР в свете базовых социально-философских подходов, как и концепция экзистенциальных рисков в целом, по крайней мере, в отечественной литературе, специально не исследовались. Проблемное поле нашего исследования можно очертить с помощью следующих вопросов:

- Каковы предпосылки концепции экзистенциальных рисков и каково её актуальное состояние?
- Как связано учение об экзистенциальных рисках с основными парадигмами общественного развития?
- Насколько объективной можно считать интегративную оценку ЭР на примере проекта «Часы Судного Дня»?

Базовые понятия и подходы

В социальной философии известны две основные парадигмы в понимании развития общества: *цивилизационная* и *формационная*. Каждая из них представлена различными, иногда достаточно различающимися интерпретациями. Однако в любом случае важнейшим признаком первой парадигмы является отсутствие единой человеческой истории. Поскольку каждая локальная цивилизация подчиняется специфическим законам собственной уникальной культуры, в первую очередь, культуры духовной. Напротив, важнейшим признаком второй парадигмы является наличие единой истории, причем истории в целом закономерной и прогрессивно направленной, детерминированной развитием экономического базиса — производственными отношениями, в конечном счете зависящими от производительных сил.

Что такое *экзистенциальные риски* (ЭР)? Их множество следует рассматривать как подмножество глобальных катастрофических рисков (ГКР). Редакторы одноименного сборника статей Ник Бостром и Милан Чиркович из Института будущего человечества (Оксфорд) понимают ГКР так: «риск, который мог бы потенциально при-

чинить серьёзный урон человеческому благополучию в глобальном масштабе». Подмножеством множества ГКР являются экзистенциальные риски («угрозы существованию» — *existential risks*), связанные с возможным вымиранием человечества или необратимым ограничением его потенциала [2, pp. 1, 3].

Предложенная в данной работе классификация рисков катастроф, угрожающих существованию человечества, включает три их типа:

- первый тип — природные риски (сверхновые, солнечные вспышки, астероидная опасность, супервулканизм и т. п.);
- второй тип — риски из-за непреднамеренных последствий деятельности человека (климатические изменения, эпидемии, общий искусственный интеллект и т. п.);
- третий тип — риски из-за намеренных враждебных действий (ядерная война, биотерроризм, наноружие и т. п.)

Сразу заметим, что если исходить из данной классификации, проект *Doomsday Clock* охватывает лишь некоторые риски второго и третьего типов, не включая риски первого типа, и в этом состоит первая ограниченность соответствующей оценки. Впрочем, Н. Бостром и М. Чиркович справедливо указывают, что риски разных типов связаны. Например, гипотетический ядерный конфликт связан с колоссальными климатическими изменениями [2, p. 7]. И наоборот, природные катастрофы опасны не только сам по себе, но и коллапсом сложных и потому очень уязвимых социальных систем [3]. Российский футуролог С. Б. Переслегин в этой связи даже предложил понятие «экосистемной войны», т. е. войны, направленной против совокупности условий существования противника, по его мнению, наилучшим образом отражающее методы и содержание войн ближайшего будущего [4].

Отметим также важный для нашего исследования момент (важный в силу того, что обсуждение категории риска так или иначе связано с признанием наличия случайных процессов): и в рамках цивилизационного, и в рамках формационного подхода *проблема соотношения случайного и необходимого в развитии общества может решаться различными способами*. Основные из этих способов следующие: *абсолютизация необходимого как общего*, т. е. признание необходимости, предопределённости всех событий общественной жизни и отрицание многообразия возможностей её реализации, связанные с пониманием случайного как субъективного незнания

причинно-следственных связей; *абсолютизация случайного как единичного*, т. е. признание определяющей роли случая в общественной жизни и многообразия возможностей её реализации, связанные с отрицанием необходимости её объективных законов; *диалектическая позиция*, согласно которой случайности, как и многообразие реальных возможностей (и потому риски) объективно существуют. Однако случайности единичных событий следует рассматривать в контексте общей необходимости — как её проявление и дополнение, которые помогают реализоваться соответствующему закону.

Обсуждение

Известно, что *формационная парадигма* была в полной мере сформулирована К. Марксом и Ф. Энгельсом. Однако одним из важнейших источников марксизма, а значит, и этой парадигмы, как известно, была немецкая классическая философия.

Одним из первых философов, осознавших возможность гибели человечества в ходе военного конфликта, был И. Кант, 300-летие которого отмечаем в 2024 году. В трактате *Zum ewigen Frieden* («К вечному миру») немецкий философ отмечал возможность начала войны нового типа, «в которой могут быть уничтожены обе стороны...». Такая «истребительная война» «привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества (...) подобная война и применение средств ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены» [5, с. 264].

Вместе с тем И. Кант рассматривал войну как вынужденное средство в «естественном» состоянии человечества, продолжая в этом отношении мысль Т. Гоббса, согласно которому государства «находятся между собой в естественном состоянии, т. е. в состоянии вражды» [6, с. 403]. Поэтому он считал войны неизбежным феноменом, а любой мир, заключённый в современном ему обществе — временным перемирием, закладывающим основания для неизбежной будущей войны. Кант предполагал, что единственным способом избежать войн в будущем (в т. ч. войны «истребительной») является реализация особого принципа публичного права (как трансцендентального, так и положительного одновременно), который сформирует «правовое» состояние межгосударственных отношений, идущее на смену их современному «естественному» состоянию. Реализация этого принципа должна привести к формированию

федерации государств, направленной на исключение военных столкновений [5, с. 307–308].

Итак, И. Кант считал, что из природы человека равным образом вытекает как необходимость войн, так и необходимость «всеобщего гражданства». Причем он допускал то, что в отношении достижения всеобщего гражданства и правового состояния межгосударственных отношений не сделано, совершится в итоге «само собой, хотя и с большими трудностями». Нужно лишь по аналогии с ситуацией внутри государства «так направить (...) столкновение немирных устремлений (...) чтобы они сами заставили друг друга подчиниться принудительным законам и таким образом необходимо осуществили состояние мира, в котором законы имеют силу» [5, с. 286]. Таким образом, Кант исходил из наличия у человечества единой истории (которую мыслил, скорее, как прогрессивную, хотя и движимую духовными факторами), в ходе которой возможно как диалектическое соединение феноменологически-необходимого и ноуменально-свободного начал на пути формирования «вечного мира», так и возможность феноменологически-необходимой «истребительной войны», которая приведёт человечество к «гигантскому кладбищу». Более того, Кант допускает и возможность «конца всего сущего», анализируя три возможных варианта этого конца:

– *естественный* — соответствующий целям провидения;

– *сверхъестественный* — из-за причин, недоступных нашему пониманию;

– *противоестественный* — вызванный самим человеком из-за непонимания «конечной цели» [7].

Наличие же нескольких возможностей-сценариев общественного развития – конечно, если это варианты, связанные с постижимыми человеком изменениями в материальных системах – в принципе, допускает оценку соответствующих рисков.

Некоторые предпосылки формационной парадигмы, подразумевающей единство в целом закономерной человеческой истории, на идеалистической платформе в дальнейшем развиваются Г. Гегелем. В концепции Гегеля войны неизбежны и даже благотворны [8, с. 359–360], а «конец истории», в силу окончательного познания духом что он есть, оказывается неизбежным, хотя и не связанным с экзистенциальной катастрофой [9, с. 408–410].

Затем, уже исходя из принципов материалистического понимания истории, формационная парадигма развивается в трудах К. Маркса и Ф.

Энгельса. В отличие от И. Канта и Г. Гегеля, основоположники марксизма понимали единство истории человечества как определяемое прогрессом производительных сил (важнейшая из которых — сам человек) и производственных отношений. Этот путь выглядит как колоссальное нагромождение случайностей, которые, однако, в своей совокупности образуют систему, способствующую реализации общественного прогресса — необходимой последовательности общественно-экономических формаций (ОЭФ) [10].

Маркс и Энгельс понимали войну как результат классовых противоречий в антагонистических обществах. Они предполагали, что войны исчезнут вслед за исчезновением разделения общества на классы в коммунистическом социуме; возможность в смысле Канта «истребительной» войны ими, насколько мы можем судить, не рассматривалась. Вместе с тем, Энгельс признавал необходимость гибели человеческой цивилизации (очевидно, уже достигшей уровня коммунистической ОЭФ) в силу действия природного фактора — неизбежной гибели Солнца [11, с. 359–360, 599–600]. В этой концепции Энгельса можно увидеть нарушение диалектического принципа развития (в последовательной диалектике развитие рассматривается как бесконечное, в т. ч. не ограниченное простейшим и сложнейшим уровнем в рамках круговорота/круговоротов), а также игнорирование диалектической связи случайного и необходимого: необходимость гибели человечества предстает, так сказать, «в чистом виде». Соответственно, понятия риска и его оценки оказываются излишними. Также Маркс и Энгельс не рассматривали ЭР, связанные с технологическим развитием (т. е. ЭР 2-го и 3-го типа по классификации Бострома). Эту линию, в большинстве своем, продолжали и марксисты советского периода.

Наш великий соотечественник В. И. Вернадский, будучи естествоиспытателем, относился к философским концепциям с известным подозрением. Вместе с тем, его учение о закономерном переходе биосферы в ноосферу имеет стихийно-материалистический характер и принципиально не противоречит формационной парадигме. Более того, на языке естествознания это учение вписывает развитие общества в общий мировой процесс развития. Для нашего исследования важно, что Вернадский формулирует контраргумент как в отношении утверждения Энгельса о неизбежной гибели человечества из-за природных факторов (причем до начала космической эры),

так и в отношении более поздних концепций, подразумевающих возможность гибели человечества в силу катастрофических процессов 2-го и 3-го типа. «Реальная возможность экзистенциальной катастрофы Вернадским отвергалась, поскольку «ноосфера — биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшим сотни миллионов, может быть миллиарды лет, процессом, создавшим *Homo sapiens faber* — не есть кратковременное и преходящее геологическое явление [выделено авторами – А. В., С. Д.]. Процессы, подготовлявшиеся многие миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет (...) в ноосферу (...) в истории народов, её населяющих, произойдут события, (...) нужные для этого, а не этому процессу противоречащие (...). Все страхи и рассуждения обывателей, представителей гуманитарных и философских дисциплин о возможности гибели цивилизации связаны с недооценкой силы и глубины геологических процессов, каким является происходящий ныне, нами переживаемый, переход биосферы в ноосферу» [12]. Таким образом, аргумент Вернадского можно сформулировать следующим образом: поскольку порождение биосферы, а затем порождение человека биосферой и начавшееся с этого момента движение к ноосфере являются закономерным продолжением объективных тенденций развития природы (например, тенденции ускорения геохимических процессов), то факторов, способных уничтожить человечество, не существует.

Аргумент В. И. Вернадского кажется существенным, дающим естественно-научные основания для известного оптимизма в наше непростое время. Однако, Вернадский умер в 1944 году — до испытания и применения ядерного оружия, до резкого обострения всех глобальных проблем человечества, включая экологическую. Кроме того, как и гибель человечества у Энгельса, у Вернадского неизбежность формирования им ноосферы предстает как необходимость «в чистом виде», что исключает рассмотрение её диалектической связи со случайностью. Разумеется, при таком подходе понятия риска и его оценки также оказываются излишними.

Известный марксист и сторонник формационного подхода В. В. Орлов, отмечая упомянутые выше ограниченности концепции Энгельса [13, с. 8–9, 51–54], особо подчеркивал, что с началом практического освоения космического пространства земным человечеством его гибель уже не должна рассматриваться как предопределен-

ная. Однако, она возможна в силу объективного существования случайностей — как из-за действия природных факторов (ЭР 1-го типа), так и из-за неразумного или злонамеренного применения результатов технологического развития в обществе «позднего капитализма» (ЭР 2-го и 3-го типа) [13, с. 107, 170]. Вместе с тем, ЭР и их оценка не стали предметом специального изучения в концепции пермского философа и его учеников.

В полной мере концепция ЭР развивается упомянутым Н. Бостромом и его многочисленными последователями. Социально-философскую позицию Бострома можно охарактеризовать как технологический детерминизм, подразумевающий единую историю человечества, связанную технологическим фактором. Однако кризисный характер современного этапа этой истории вынуждает Бострома отказаться от тезиса о её в целом закономерном и прогрессивном характере и всерьёз заняться как классификацией, так и изучением собственно содержания всех типов ЭР. В одной из своих последних работ, посвящённых развитию концепции ЭР, Бостром отстаивает гипотезу «уязвимого мира» [14].

Рассматривая именно ЭР 2-го и 3-го типа, он предлагает метафору «урны» с шарами разных цветов, представляющих собой изобретаемые человечеством технологии. Белые шары — технологии без очевидного негативного эффекта; серые — технологии, способные породить умеренно-вредные эффекты; чёрные шары — технологии, связанные с ЭР, т. е. способные уничтожить цивилизацию. Положить чёрный шар обратно в урну мы не сможем, мы можем его только вытаскивать. До сих пор земному человечеству везло и оно вытаскивало преимущественно белые шары. Гипотеза уязвимого мира состоит в том, что наша урна содержит как минимум один чёрный шар. И поскольку технологическое развитие неизбежно продолжится, то в какой-то момент будет сформирован набор возможностей, которые сделают реализацию ЭР чрезвычайно вероятной, если цивилизация не выйдет из современного, как его называет Бостром, «полуанархического состояния». Это состояние характеризуется тремя признаками: существенными ограничениями превентивной полицейской деятельности; ограниченными возможностями глобального управления; разнообразием человеческих мотиваций [14].

Один из авторов данной статьи в свое время делал попытку осмысления философских принципов концепции ГКР/ЭР [15, 16]. Было показано

следующее. «Концепция ГКР исходит из позитивистских и постпозитивистских принципов, которые в смысле эпистемологическом акцентируют внимание на абсолютизации автономности субъективного в познании, а также на принципиальной ограниченности познавательных способностей человека в силу конечности сферы его опыта и доступности ему лишь незначительной части единичных явлений (проистекающей в том числе из когнитивных искажений и эффектов наблюдательной селекции). Онтологический аспект концепции ГКР глубоко не разработан; однако подразумевается, что характер процессов в мире в силу «равноправия» возможностей («возможно всё») в целом случаен, непредсказуем и не может характеризоваться как закономерный интегральный прогресс» [16, с. 535].

Однако концепция иерархии возможностей, различающихся по степени общности [17, с. 79–84] и подтвержденные в последние годы эффекты квантовой нелокальности (подразумевающие мгновенную корреляцию единичных квантовых событий) [18], возможно, помогут в рамках единой теории совместить необходимость направленного развития со случайностями, включая случайности глобальных катастроф, а идея связи бесконечного и конечного в человеческом опыте [16, с. 532–534] может свидетельствовать в пользу репрезентативности нашего опыта в отношении бесконечного мира.

Такие представления об ЭР подразумевают также возможность существования множества цивилизаций *в космосе*, подверженных действию селективного процесса, так называемого «Великого Фильтра», действие которого, возможно, объясняет парадокс «молчания Вселенной» (парадокс Ферми). С этой точки зрения получается, что многим цивилизациям в Метагалактике уже не повезло и они уже вытянули свой чёрный шар или пали жертвой экзистенциальных катастроф 1-го типа. Впрочем, в свете упомянутых концепций иерархии возможностей и квантовой нелокальности, происходящие катастрофы должны приводить к *перестройкам вероятностей ещё не произошедших событий*. В этом смысле «урны с шарами» различных гипотетических цивилизаций определённым образом коррелированы. В свете этих аргументов мнение Бострома о том, что большинство цивилизаций уже погибли, а «молчание Космоса» не сулит и земной цивилизации ничего хорошего, можно поставить под сомнение.

Во всех рассмотренных концепциях подразумевается наличие единой истории земного че-

ловечества — и в этом отношении они близки формационной парадигме (хотя причину этого единства, как и соотношение случайного и необходимого в общественном развитии, они интерпретируют по-разному). Напротив, сторонники *цивилизационной* парадигмы отрицают наличие единой истории человечества. Основоположниками и известными последователями цивилизационного подхода считаются Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон [19, 20, 21, 22]. Каждый из них полагал конец любой локальной цивилизации на Земле неизбежным в силу циклического характера развития каждой из них, но экзистенциальные риски (ЭР), относящиеся к гибели всего земного человечества в целом, насколько нам известно, ими специально не анализировались.

Однако в рамках данной статьи мы остановимся на цивилизационной концепции Р. Генона — французского философа первой половины XX века. Дело в том, что по справедливому мнению ряда исследователей, признание многообразия несопоставимых локальных цивилизаций, например, у Тойнби и Хантингтона, «надстраивается» над имплицитно подразумеваемым европоцентризмом, представляет собой попытку реанимировать идентичность западной культуры, «размываемую» процессом глобализации [23]. Напротив, Генон — традиционалист. По его мнению, «западная цивилизация предстает в истории как настоящая аномалия: из всех более или менее нам известных, эта цивилизация является единственной, развивавшейся в чисто материальном направлении, и это чудовищное развитие (...) фатально сопровождалось, как это и должно было быть, соответствующей интеллектуальной регрессией». Причем «самое необычное... это претензия сделать из этой ненормальной цивилизации образец любой цивилизации, рассматривать ее как «цивилизацию» по преимуществу» [24].

Далее Генон, фактически, говорит об экзистенциальных рисках, применяя их, правда, исключительно к западной цивилизации. «Сами представители западной цивилизации хорошо чувствуют, что их господство (...) далеко не окончательно обеспечено, что она может оказаться во власти событий, которые невозможно предвидеть и ещё менее помешать им (...) то, что опирается только на материальный порядок (...) может иметь только временный успех; изменение, которое является законом этой, по существу, нестабильной области, может иметь худшие во всех отношениях последствия (...). Пусть подумают о непрерывном

совершенствовании средств разрушения, о всё более и более значительной роли, которую они играют в современных войнах (...) и пусть не пытаются отрицать такую возможность» [24].

Где же выход? Генон отмечает, что поскольку Восток стабилен, а меняется именно Запад — причем без конца и без смысла — то можно надеяться, что ментальность последнего, наконец, изменится благоприятным образом и его конфронтация с Востоком будет преодолена [24]. Таким образом, если исходить из концепции Генона, получится, что феномен ЭР и их оценка совместимы только с материалистической концепцией прогрессивно направленного общественного развития, т. е. с европоцентричным формационным подходом. Последовательная цивилизационная концепция сама по себе с ними не сталкивается.

Впрочем, известно, что в социальной философии неоднократно обсуждалась идея *синтеза рациональных моментов формационной и цивилизационной парадигм* [25, 26]. Представляется, что такой синтез возможен в свете гипотезы существования множества цивилизаций, а также аргумента Вернадского (доказывающего невозможность катастрофического «обрыва» движения к ноосфере), упомянутых представлений об иерархии возможностей (конкретизирующей тезис о единичных случайностях как форме общей необходимости, благодаря которой последняя и реализуется) и квантовой нелокальности (благодаря которой мгновенной корреляцией связываются в единство мирового процесса физически сколь угодно удаленные природные и социальные системы).

Если учесть все эти элементы, то получится следующая картина. Каждая цивилизация на Земле и каждая гипотетическая цивилизация в Метагалактике¹ имеет свой уникальный путь и сталкивается со своими собственными вызовами и совокупностью случайностей природного и социального характера. Однако эти цивилизации представляют собой уровень особенных возможностей в отношении возможностей общих — крупных, наиболее устойчивых этапов развития (например, крупнейших этапов предыстории и истории в смысле Гегеля, Моргана и Маркса, этапов становления ноосферы по Вернадскому). Последнее предполагает существование *направленности развития* в целом. И ряд принципов естествознания (например, в физике — сильный антропный космологический

принцип по Б. Картеру) и логика (историческая и логическая выводимость регресса из прогресса, но не наоборот) свидетельствуют о наличии такой направленности. Если принять данную картину реальности, то можно говорить об ЭР для цивилизации А — риске того, что следующий крупный этап общественного развития (в масштабе Земли, Метагалактики, Вселенной) реализуется не через цивилизацию А, а через цивилизацию Б, в результате чего цивилизация А или погибнет, или «сойдет» с магистрального направления мирового процесса. Фактически, речь может идти об *«отборе цивилизаций»*, как стороне всеобщего селективного процесса [27].

Подчеркнем, что в этом случае формационный подход уже не подразумевает «фронтального прогресса» (он невозможен и никогда не наблюдается ни в природе, ни в обществе в силу отсутствия в таком случае более простой «среды», обуславливающей продолжение прогресса), а предстает скорее как «передача эстафеты», как «движение точки роста» в совокупности цивилизаций. И в этом движении случайности, всегда связанные с рисками на уровне особенного, способствуют реализации необходимости общего характера.

Если эта концепция в целом верна, то аргумент Вернадского о невозможности «срыва» прогрессивно направленного развития природы и общества будет выполняться — но не для каждой отдельной цивилизации (их судьба может быть очень разной), а для всей их совокупности, репрезентирующей наиболее общие возможности мирового и исторического процесса. Завершится ли этот «квазибиологический» процесс «отбора цивилизаций» в рамках «предыстории» с возникновением ноосферы по Вернадскому или «подлинной истории» по Марксу, в ходе которой будут сняты антагонистические противоречия между социальными существами, а также между ними и природой (очевидно, при сохранении противоречий неантагонистических как источника дальнейшего развития) — предмет отдельного исследования.

Теперь вернемся к попытке интегративной оценки ЭР земной цивилизации — проекту «Часы Судного Дня». Думается, что в первые послевоенные десятилетия (до формирования паритета в ядерных вооружениях и обострения иных, прямо не связанных с возможной ядерной войной глобальных проблем) он выполнял функцию оценки ЭР лучше, чем сейчас. Во-первых, в наши дни этот показатель *не вполне выполняет свою интегративную функцию*, ибо практически

¹ В этом смысле можно провести содержательную аналогию между цивилизационным подходом в отношении локальных цивилизаций на Земле и в отношении гипотетических цивилизаций в космосе.

не учитывает ЭР первого типа (природные). Во-вторых, он сосредоточен на оценке уровня развития *уже проявивших себя технологий*, в отношении которых человечество уже выработало определенную систему «противовесов» — балансирующих обратных связей. Таковы, в частности, ядерные технологии, военное применение которых блокируется и достигнутым паритетом этих вооружений, и осознанием гарантированного взаимного уничтожения в случае его массированного применения, и международными договорами (их можно рассматривать как начало движения к правовому состоянию межгосударственных отношений по Канту). Нужно же, в первую очередь, оценивать ЭР, связанные именно с *возникающими технологиями*. Однако соответствующая методология пока недостаточно разработана. Как отмечает А. Грунвальд — один из ведущих экспертов в области социальной оценки техники — если техника уже создана, «время для общественного воздействия на неё уже упущено (...) вместо последствий следует делать акцент на её развитие (генезис) (...) на стадии разработки, формирующее социальное воздействие на неё ещё возможно». Проблема состоит в том, что «необходимость оценки последствий находится в постоянной конфронтации с неполнотой и недостоверностью имеющего знания. (...) Такого рода оценка должна (...) попытаться указать на ошибки и исправить неверные оценки, а такие понятия как обратимость и терпимость к ошибкам приобретают новое значение» [29, с. 120]. В-третьих, принципы разметки шкалы «Часов» и степень объективности решений экспертов проекта вызывают вопросы. Например, при знакомстве с работой этих экспертов возникает ощущение чрезмерного влияния на их оценки внутриполитической повестки в США. Получается, что образ «Часов» — это скорее влиятельная в медиапространстве «страшилка», нежели объективная интегральная оценка ЭР.

Самое же тревожное то, что серьёзных исследовательских проектов, нацеленных на объективное изучение и интеграцию представлений о ГКР и ЭР становится не больше, а меньше. Например, Институт будущего человечества, который на протяжении многих лет возглавлял Ник Бостром, 16 апреля 2024 года прекратил свое существование...

Заключение

Резюмируем сказанное.

- Исследование экзистенциальных рисков имеет давнюю предысторию — его предпосылки можно найти, например, у И. Канта.

- Наиболее «продвинутой» версия концепции ЭР, на наш взгляд, имеется в работах Н. Бострома, которая, однако, с философской точки зрения имеет ряд недочетов.

- Учение об ЭР более тесно связано с формационной парадигмой социальной философии, хотя очень важные моменты для концепции ЭР есть и в цивилизационной парадигме, что, в частности, демонстрируют работы Р. Генона. Кроме того, можно представить себе синтез этих парадигм (возможно лучше определить их поэтому как конкурирующие исследовательские программы в смысле И. Лакатоса), основанный на гипотезе существования множества цивилизаций во Вселенной, на идее прогрессивной направленности развития их совокупности (аргумент Вернадского), опосредованного особым отбором и ряда других.

- Проект «Часы Судного Дня» в настоящее время нельзя считать вполне объективным и хорошо выполняющим интегрирующую функцию в отношении оценки ЭР. Основной тенденцией разработки соответствующих средств оценки ЭР должно стать изучение рисков возникающих, а не уже проявивших себя технологий.

Список литературы

1. Doomsday Clock. URL: https://thebulletin.org/doomsday-clock/#nav_menu.
2. Bostrom N., Čirković M. Introduction // Global Catastrophic Risks. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1–29. DOI: 10.3726/978-3-653-00719-0/3.
3. Hanson R. Catastrophe, Social collapse, and human extinction // Global Catastrophic Risks. Oxford: Oxford University Press. 2012. Pp. 363–378.
4. Переслегин С. В. Экосистемная война. URL: <https://www.yandex.ru/video/preview/17608900629049184235>
5. Кант И. К вечному миру // Кант И. Соч. в 6 томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 257–309.
6. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 4–590.
7. Кант И. Конец всего сущего // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 279–291.
8. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 497 с.

10. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. 771 с.
11. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 343–626.
12. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. URL: <https://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html>.
13. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч 3. 184 с.
14. Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis // *Global Policy*. Vol. 10. Iss. 4. P. 455–476.
15. Внутских А. Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып 3. С. 328–334.
16. Внутских А. Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть вторая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536.
17. Барг О. А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
18. Внутских А. Ю., Панов В. Ф. О перспективах квантового реализма и квантового антиреализма в свете практического использования феноменов квантовой нелокальности // Новые идеи в философии. 2021. 8 (29). С. 82–88.
19. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. 663 с.
21. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М.: Рольф, 2002. 592 с.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
23. Малахов В. «Война культур», или Интеллектуалы на границах // Октябрь. 1997. Вып. 7. URL: <http://magazines.russ.ru/october/1997/7/malahov.html>.
24. Генон Р. Восток и Запад. М., 2005. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/35220/ogl.shtml>.
25. Василенко Ю. В. Соотношение формационного и цивилизационного подходов к историческому процессу // Новые идеи в философии. 1997. Вып. 6. С. 134–136.
26. Щукина А. Я., Васильев А. Н., Орлов Я. В. Формационный и цивилизационный подход к социально-экономическому развитию: общее понимание и их соотношение // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. Вып. 23. С. 106–109.
27. Внутских А. Ю. Отбор в природе и обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. 335 с.
28. Грунвальд А. Роль социально-гуманитарного познания в междисциплинарной оценке научного и технического развития // Вопросы философии. 2011. Вып. 2. С. 115–126.

References

1. Doomsday Clock. Available from: https://thebulletin.org/doomsday-clock/#nav_menu.
2. Bostrom N. Čirković M Introduction. *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press; 2012. Pp. 1–29. DOI: 10.3726/978-3-653-00719-0/3.
3. Hanson R. Catastrophe, Social collapse, and human extinction. *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press; 2012, pp. 363–378.
4. Pereslegin SV. Ecosystem warfare; 2023. Available from: <https://www.yandex.ru/video/preview/17608900629049184235> (in Russ.).
5. Kant I. Toward Eternal Peace. In: Kant I. Works in 6 vol. Moscow: Mysl Publ.; 1966. Vol. 6. Pp. 257–309. (in Russ.).
6. Hobbes T. *Leviathan*. Hobbes T. Works in 2 vol. Moscow: Mysl Publ.; 1991. Vol. 2. Pp. 4–590. (in Russ.).
7. Kant I. The End of All Being. Kant I. Treatises and Letters. Moscow: Nauka Publ.; 1980. Pp. 279–291. (in Russ.).
8. Hegel GWF. *Philosophy of Law*. Moscow: Mysl Publ.; 1990. 524 p. (in Russ.).
9. Hegel GWF. *Phenomenology of Spirit*. Moscow: Nauka Publ.; 2000. 497 p. (in Russ.).
10. Marx K, Engels F. Toward a Critique of Political Economy. Marx K., Engels F. Works, ed. 2, vol. 13. Moscow: Political Literature Publ.; 1959. 771 p. (in Russ.).
11. Engels F. *Dialectics of Nature*. Marx K, Engels F. Works, ed. 2, Moscow: Political Literature Publ.; 1961. Vol. 20. Pp. 343–626. (in Russ.).

12. Vernadsky VI. Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow; 1991. Available from: <https://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html> (in Russ.).
13. Orlov VV. History of human intellect. Perm: Perm university Publ.; 1999. 184 p. (in Russ.).
14. Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis. *Global Policy*. 2019;(10(4)):455-476.
15. Vnutskikh AY. Global catastrophic risks in the light of unified objectively determined universal process concept. Part 1. *Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*. 2017;(3)328-334. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-328-334 (in Russ.).
16. Vnutskikh AY. Global catastrophic risks in the light of unified objectively determined universal process concept. Part 2. *Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*. 2017;(4):528-536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536 (in Russ.).
17. Barg OA. The Living in the Unified World Process. Perm: Perm university Publ.; 1993, 227 p. (in Russ.).
18. Vnutskikh AY, Panov VF. About perspectives of quantum realism and quantum antirealism in the light of practical use of quantum nonlocality phenomena. *New Ideas in Philosophy*. 2021;(8(29)):82-88.
19. Danilevsky NY. Russia and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008, 816 p. (in Russ.).
20. Spengler O. The Decline of the West. Moscow: Mysl Publ.; 1993, 663 p. (in Russ.).
21. Toynbee AJ. Civilization before the Court of History. Moscow: Rolf Publ.; 2002, 592 p. (in Russ.).
22. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Moscow AST Publ.; 2003, 603 p. (in Russ.).
23. Malakhov V. "The War of Cultures", or Intellectuals on the Borders. October 1997. Iss. 7. (in Russ.).
24. Guénon R. East and West. Moscow; 2005. Available from: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/35220/ogl.shtml>. (in Russ.).
25. Vasilenko YV. Correlation of Formation and Civilization Approaches to the Historical Process. *New Ideas in Philosophy*. 1997;(6):134-136. (in Russ.).
26. Shchukina AY, Vasiliev AN, Orlov YV. Formational and civilizational approach to socio-economic development: a common understanding and their correlation. *Vestnik of the Volga University named after VN Tatishchev*. 2011;(23):106-109. (in Russ.).
27. Vnutskikh AY. Selection in Nature and Society: Experience of the Specific and General Theory. Perm: Perm University Publ.; 2006, 335 p. (in Russ.).
28. Grunwald A. The role of socio-humanitarian cognition in interdisciplinary of scientific and technological development. *Voprosy filosofii*. 2011;(2):115-126. (in Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Внутских — д. филос. н., доцент, профессор кафедры философии и права (Пермский национальный исследовательский политехнический университет), профессор кафедры философии (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

С. А. Денискин — к. филос. н., доцент кафедры философии.

Information about the authors

A. Y. Vnutskikh — Doctor of Philosophy Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Law (Perm National Polytechnic University), Professor of the Philosophy Department (Perm State University).

S. A. Deniskin — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 05.07.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 20.08.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.